

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация *Geliografic*

Маринина, Александра.

М26 Тот, кто знает. Перекресток : роман в 2 книгах. Книга 2 / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2019. — 592 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-90057-2

В причудливый узор сплетаются судьбы кинорежиссера Натальи Вороновой, следователя Игоря Машенко и сибирского журналиста Руслана Нильского. Коренная москвичка Наталья живет в коммунальной квартире и опекает всех, кто нуждается в ее помощи, — от пожилой одинокой соседки до рано осиротевшей девочки. Выросший в благополучной состоятельной семье Игорь становится следователем и волею случая соприкасается с загадочным убийством старшего брата Руслана Нильского. Руслан же посвящает свою жизнь тому, чтобы разобраться в тайне гибели брата и узнать правду о его смерти. Любовь, ненависть, случайные встречи, взаимные подозрения и искренние симпатии связывают этих людей. И только открывшаяся в конце концов истина расставляет все на свои места.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90057-2

© Алексева М. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Она до сих пор помнила прикосновения его пальцев к своему телу, и ту ноющую боль, которая растекалась по коже, и ослепляющее жжение, которое стихало от звуков его голоса. Из памяти полностью стерлось, что и как он делал, но воспоминания о том, что она при этом чувствовала, не делались с годами тусклыми и размытыми, наоборот, эти воспоминания, то и дело возвращаясь к ней, становились все ярче и вызывали отвращение к себе самой, острое чувство вины и желание заплакать и напиться.

Часть 5

ПЕРЕКРЕСТОК. 1992—1993 ГГ.

Наталья

— Я боюсь, Андрюша.

Она впервые набралась смелости сказать об этом вслух, но легче не стало. Сердце забилося где-то в горле, как бывало в детстве и юности во время экзаменов, а позже — во время ответственных разговоров с вышестоящими начальниками. Правда, сейчас перед ней не экзаменатор и не руководитель, а друг. Доброе круглое лицо Андрея Ганелина выражает сочувствие и готовность выслушать и помочь, взять на себя тяжесть реше-

ния проблемы, но в том и беда, что эту проблему придется решать ей самой вместе с мужем, и никто третий здесь не поможет. Андрей всегда был для нее окрашен в песочно-желтый цвет. Сначала Наташа думала, что это цвет тепла и покоя, когда отбрасываешь от себя каждодневные хлопоты и можешь бездумно валяться на горячем песке черноморского пляжа, понемногу выдавливая из себя и утапливая в зыбучем месиве накопившиеся за год раздражение, усталость и боль от крупных и мелких разочарований. И только несколько лет спустя Наташа, в очередной раз глядя на Андрея, вдруг подумала: «Он как губка. Я выливаю на него свои эмоции, а он их впитывает. Такая желтенькая губка, которой мама вытирала воду с кухонного стола».

Через три дня — Новый год, завтра приедет Вадим, но не на праздники, как обычно, а теперь уже насовсем. Он получил назначение на должность старшего преподавателя в учебный центр в Обнинске, в 100 километрах от Москвы, и отныне будет жить дома, с женой и детьми. Десять и даже пять лет назад Наташа прыгала бы от радости в предвкушении этой новой счастливой жизни, но сегодня, в канун 1992 года, она поняла, что боится.

В последние три года Ганелин, став относительно состоятельным человеком и обзаведясь машиной, перед праздниками помогал Наташе с поисками продуктов к столу. Сегодня ей пришлось вскакивать ни свет ни заря, потому что Андрей собрался отвезти ее к семи утра к магазину «Колбасы» на Дмитровском шоссе. Магазин открывался в восемь, и если в семь утра занять очередь, то был шанс купить хорошие продукты — колбасу, сосиски, разные копчености, и к празднику, и на каждый день. Деликатесы завозили ежедневно, но хватало их примерно часа на три торговли, поэтому важным было приехать как можно раньше, чтобы оказаться в первой сотне покупателей. Они приехали к семи, отстояли на улице длинную очередь, то и дело бегая минут на десять в машину погреться, набили сумку продуктами, потом еще полдня мотались по городу в наде-

жде найти на опустошенных перед Новым годом прилавках то, что нужно, а заодно и елку купить. К пяти часам вернулись, выгрузили покупки в холодильник, обвязанную веревками елочку поставили в угол в прихожей, съели приготовленный Бэллой Львовной обед и теперь сидели в Наташиной комнате, пили кофе и обсуждали приготовления к новогодней ночи. Конечно, придут Инна с Гришей и Юлечкой и, как обычно, пригласят очередную «невесту» для своего холостого друга Ганелина. Супруги Гольдман уже оставили надежду женить Андрея, но по-прежнему, зная, что Наташа приглашает его на Новый год, старались обеспечить дамой хотя бы на время праздника. Андрей морщился, отнекивался, махал руками и уверял, что дама для разговоров ему не нужна, за столом и без того много приятных собеседников, а потанцевать он может и с Ирочкой, но Инна каждый раз строго говорила, что Ира — взрослая девушка, у нее своя жизнь и свои друзья и нельзя рассчитывать на то, что она просидит всю ночь с ними. И вообще, за столом, дескать, должен быть порядок, Вадим, в конце концов, не слепой, и присутствие одинокого неженатого мужчины в своем доме может ему не понравиться. Этот аргумент Андрею был понятен, и он мужественно терпел необходимость быть милым и ухаживать за очередной кандидаткой.

— Давай, я помогу елку поставить, — предложил Андрей.

— Не нужно, — отмахнулась Наташа, — посиди, отдохни. Завтра Вадим приедет, поставит.

Вот в этот момент она и произнесла то, что таила в себе весь последний месяц, с тех пор как стало точно известно о переводе мужа из Западной Лицы в Обнинск.

— Я боюсь, Андрюша.

— Чего ты боишься? Что не уживешься с собственным мужем? — засмеялся тот.

— Нет, не этого... Хотя и этого тоже. Понимаешь, он любит свою лодку и свой реактор. Ему больше ничего не интересно. Но он нормальный мужчина и хочет

жить со своей семьей и воспитывать своих сыновей. А совместить это невозможно. То есть нет, не так... Это возможно совместить только в том случае, если бы я пожертвовала своей работой и своей карьерой, наплевала бы на свои обязательства заботиться о Бэлле и Ирочке, взяла мальчиков и уехала к Вадиму в Лицу. Наверное, я должна была именно так и сделать. Но я не сделала. Тогда он решил пожертвовать своей работой, наплевать на лодки и реакторы и ехать сюда. Ему придется каждый день ездить по два часа на электричке в Обнинск и столько же вечером обратно, заниматься неинтересной работой и жить рядом со знаменитой женой, у которой то съемки, то премьеры, то депутатские заботы и которая кусочки свободного времени кроит на лоскутки, чтобы заниматься не только мужем и детьми, но и соседями. В Западной Лице он был капитаном первого ранга Вадимом Алексеевичем Вороновым, человеком уважаемым и авторитетным, а здесь он превратится просто в мужа Натальи Вороновой и станет даже не главой семьи, а еще одним из тех, о ком я должна заботиться. И я боюсь, что он мне этого не простит.

— Ему нужно идти в бизнес, — убежденно произнес Ганелин.

— По твоим стопам? — усмехнулась Наташа. — Или ты его к себе возьмешь охранником?

— Ты напрасно смеешься. Твой Вадим — умный и энергичный человек, я уверен, что у него все получится. Зато он начнет зарабатывать намного больше тебя, и вся твоя известность и политизированность уже не будут иметь никакого значения, потому что не ты, а он будет содержать семью. Вот посмотришь, не пройдет и года, как ты превратишься в жену крупного бизнесмена Воронова. Тогда тебе нечего будет бояться.

— Ты прав, Андрюшенька, как всегда, прав. Но Вадим на это не пойдет. У него менталитет другой. Он — морской офицер в четвертом поколении, для него служить Родине — это честь, это в генах у него сидит. И я не знаю, что должно случиться, чтобы он захотел и смог переломить себя. Я и люблю его за то, что он именно

такой, а не какой-то другой. Для него существует понятие воинской чести, чести офицера, поэтому он и продолжает служить, хотя в том бардаке, в каком мы все сегодня оказались, уже многие про честь забыли, только о деньгах и думают. Я не про тебя говорю, с тобой все понятно... Не принимай на свой счет. Андрюша, — она внезапно сменила тему, — неужели тебе не надоело меня любить? Мне иногда кажется, что ты просто дуришь нас всех, прикрываешься липовыми чувствами, которые якобы ко мне испытываешь, а сам...

— А сам потихоньку делаю свое черное дело, да? — рассмеялся Андрей. — Интересная версия. И какое это дело?

Наташа тоже рассмеялась в ответ. С Андреем было не страшно шутить на любые темы, он адекватно реагировал на юмор и не страдал излишней обидчивостью. И его влюбленность в Наташу не была закрыта для обсуждения, он легко говорил об этом как о чем-то раз и навсегда решенном, не подлежащем изменению и в то же время абсолютно нормальном и не постыдном. Он не млея, не краснел и не заикался в ее присутствии, не одолевал телефонными звонками в самое неподходящее время, не заваливал букетами цветов и подарками на глазах у окружающих, не дежурил под окнами и не вымаливал свиданий. Он просто любил ее, не требовал ответа на свою любовь, вообще ничего не требовал, ни особого внимания, ни понимания, и старался быть Наташе хорошим добрым другом, который не отягощает своими проблемами и немедленно берется решать ее собственные. Андрей не скрывал своих чувств и даже подшучивал над ними, и насмешливое недоумение окружающих — в первую очередь Инны и Гриши Гольдманов — постепенно сменилось невольным уважением. Об этой безответной и безнадежной любви знали и Элла Львовна, и Ира, и родители Инны, и ее тетка Анна Моисеевна. Только Вадим не знал. Когда он бывал в Москве, Ганелин появлялся лишь при жесточайшей необходимости или в случае официального приглашения в гости.

— Ну, я не знаю... Мало ли. Может, ты скрытый гомосексуалист, и, вот чтобы к тебе не приставали насчет женитьбы, ты всем говоришь, что, мол, безответно влюблен в меня. Имей в виду, — шутливо продолжала Наташа, — с первого января для тебя наступают черные дни. Все, что ты для меня делал, теперь будет делать Вадим, и у тебя не будет поводов со мной видаться.

Она невольно сказала двусмысленность, но поняла это не сразу, а когда поняла, то от души расхохоталась, и вслед за ней расхохотался Андрей.

— Господи, Андрюша, — она осторожно вытерла выступившие от смеха слезы, стараясь не размазать тушь на ресницах, — почему мне с тобой так легко? Я уже давно ни с кем так не смеюсь, как с тобой. С другими мне приходится быть строгой, деловитой, даже жесткой, дашь слабину — тут же на шею сядут. А с тобой я чувствую себя совершенно свободно. У меня даже секретов от тебя нет, ты мне уже не друг, а подружка.

— Ну, один-то секрет у тебя есть даже от меня, — заметил он серьезно.

Наташа, расслабленная и развеселившаяся, не заметила перемены в его голосе и продолжала шутить:

— Ты имеешь в виду секрет моей неиссякаемой привлекательности для тебя?

— Нет, другой. Ты знаешь, о чем я говорю. Неужели так и не расскажешь никогда?

— Прости. — Наташа тоже стала серьезной. — Это не моя тайна. Была бы моя — обязательно рассказала бы. А так — не могу.

Игорь

Он не хотел просыпаться, как не хотел этого все последние годы. Проснуться означало начать новый день. Рабочий день. А он ненавидел свою работу, хотя и справлялся с ней, причем справлялся настолько лихо, что его то и дело поощряли то премиями, то благодарностями, то почетными грамотами, даже очередное звание присвоили досрочно. Капитан милиции Игорь

Мащенко был одним из лучших, если не лучшим в своем подразделении, но работу, которую выполнял ежедневно и добросовестно, он все-таки не любил. Тягостна она была ему, не интересна, не нужна. Но изменить свою жизнь и перейти на другую работу он не мог.

Мало того, что сегодня снова нужно идти на работу, так еще и Новый год надвигается, а это означает, что нужно идти к Женьке Замятину. Четыре раза в год, четыре визита, четыре встречи — это тот минимум, сокращать который нельзя. Новый год, 23 февраля — День Советской Армии, Женькин день рождения и день смерти Генки Потоцкого. Вернее, не смерти, а гибели, геройской гибели в Афганистане. На каждую встречу с Женькой Игорь шел как на казнь, сам Женька ему тоже уже давно был не нужен и не интересен, и их воспоминания об общем школьном детстве, когда жив был еще Генка Потоцкий, когда они собирались попутать в летное училище, а потом становиться космонавтами, — и воспоминания эти были ему не нужны. Но не ходить к Замятину он не мог.

— Сынок, пора вставать!

В комнату заглянула мама, и в открытую дверь сразу же потянуло вкусными запахами жарящихся сырников с изюмом, свежемолотого кофе и еще сладковатым ароматом шампуня — мама только что вымыла голову, и этот запах исходил от ее мокрых волос.

Как обычно по утрам, настроение у Игоря было мрачным, да и какое же может быть иное настроение перед рабочим днем, наполненным делами и заботами, от которых мутит, просто выть хочется. К вечеру Игорь веселел, понимая, что все заканчивается и до следующего рабочего дня можно расслабиться. Но утром он был в тяжком расположении духа.

— Ты сегодня поздно придешь? — спросила Елизавета Петровна, когда он сел завтракать.

— Поздно. Сегодня надо к Женьке съездить, с Новым годом поздравить. А что, я тебе нужен?

Хорошо бы у мамы нашлись неотложные дела, которые никак, ну просто никак невозможно сделать без по-

мощи сына. Тогда можно было бы не ездить сегодня к Женьке, отложить до завтра. Правда, они уже договорились, Игорь вчера звонил другу и предупредил, что сегодня заедет, но можно и передоговориться. А Женька, если повезет, скажет, что завтра никак не может, а послезавтра не сможет сам Игорь... и проблема рассосется сама собой, до 23 февраля.

— Сегодня должны новую мебель привезти, я хотела, чтобы вы с папой ее собрали и поставили. Хочется Новый год встретить в новой обстановке, а то живем как на вокзале. Но если ты занят, тогда сборку отложим до завтра. Или я попрошу кого-нибудь из соседей помочь.

Елизавета Петровна хлопотала у плиты, дожаривая сырники и поглядывая на турку с кофе. Уловив момент, когда темно-коричневая пенка начала угрожающе быстро подниматься, она ловко сняла турку с раскаленного диска электроплиты.

— Я постараюсь пораньше вернуться, — пообещал Игорь. — Или позвоню Женьке, извинюсь, скажу, что приду в другой раз.

— Нет-нет, сынок, не надо откладывать, раз договорился — иди. У Жени и без того мало радостей в жизни, поздравь его с Новым годом, подарок вручи. Что ты ему подарить?

— Зажигалку. Дорогую, импортную. А что отец не встает? У него сегодня выходной?

Сырники были сладкими, но Игорь еще полил их сверху клубничным вареньем. Вот теперь вкус стал как надо, и это несколько примирило его с действительностью. Еще пятнадцать минут можно поглощать завтрак и пить кофе и не думать о постылой работе.

— Папа встанет попозже, ему сегодня к двенадцати, — пояснила мать, присаживаясь за стол напротив Игоря. — Между прочим, ему удалось устроить Верочку на работу.

— Мои поздравления, — пробурчал Игорь.

Он терпеть не мог, когда родители пытались заговорить с ним о бывшей жене. И что за манера: сын с невесткой давно расстался, а они все еще считают ее чуть

ли не членом семьи, обсуждают ее дела, помогают. Елизавета Петровна, словно и не замечая недовольного тона Игоря, продолжала рассказывать:

— Очень хорошая работа, в одной фирме, торгующей медицинскими препаратами. Как раз Верочке по специальности. И платят хорошо, не то что в поликлинике.

— Мама! — Игорь с отвращением отодвинул от себя тарелку с недоеденными сырниками, они колом вставляли в горле и казались уже не вкусными, а противными. — Я не хочу ничего слышать о Вере. Мне это не интересно. Она меня бросила, а теперь ты хочешь, чтобы я интересовался ее жизнью и беспокоился о ее трудоустройстве?

— Сынок, но ведь ты сам виноват в том, что она тебя бросила, — с упреком произнесла мать. — Ты чудовищно обращался с ней, ни одна нормальная женщина этого не вынесла бы. Ты приходил домой пьяным и кричал на нее. Ты изменял ей...

При последних словах голос матери дрогнул, словно даже мысль о подобном поведении сына была ей невыносима, а уж озвучивание ее требовало и вовсе непосильного напряжения. Конечно, она говорила правду, Игорь позволял себе и напиваться, и орать на Веру. И насчет супружеских измен — тоже правда. Но разве он виноват в том, что не может на протяжении длительного времени испытывать интерес к одному и тому же человеку? Ему быстро надоедали и женщины, и друзья. Он уставал от них. И отчего-то был уверен, что вот уж следующая его женщина окажется такой, которая прикует его внимание к себе всерьез и надолго, заводил новую интрижку, влюблялся, но чувство остывало даже быстрее, чем ему хотелось бы. То же самое происходило и с друзьями, он вовлекался в близкие доверительные отношения и очень скоро начинал испытывать откровенную скуку в обществе этого человека. Как он был влюблен в Верочку! Тогда, в 1984 году, когда он женился на ней, ему казалось, что нет никого на свете лучше ее, добрее, нежнее, умнее. И уже через два года, привезя ее

в Москву, начал тяготиться молодой женой. Родители поначалу были в ужасе, ну как же, привез в столицу какую-то провинциалку из сибирской Тмутаракани, теперь ее еще и прописывать нужно, а она обживется, осмотрится, да и вильнет хвостом на сторону, потом придется жилплощадь делить, квартиру разменивать. Конечно, со временем они к Вере привыкли и даже по-своему привязались, особенно Елизавета Петровна: все-таки коллеги, обе врачи, есть что пообсуждать за ужином. Игорь никак не ожидал, что Вера уйдет, сама уйдет, и уже тем более не ожидал, что его мать и отец начнут принимать столь деятельное участие в ее судьбе. Виктор Федорович использовал все свои связи, чтобы выбить бывшей невестке жилье, и Вера в прошлом году получила однокомнатную квартиру где-то на окраине, так что обошлось без размена родительских хором. Теперь вот на работу ее пристроил, на фирму...

— Нам с папой стыдно за тебя, за твое поведение, поэтому мы считаем своим долгом хоть как-то искупить твою вину перед Верой, — говорила между тем Елизавета Петровна. — Разумеется, мы не были в восторге от твоего выбора, ты мог бы и в Москве найти себе жену не хуже, но в конце концов ты привел ее в наш дом, мы ее приняли, а потом ты начал вести себя совершенно недопустимо. Да, мы с папой не одобряли твоего выбора, но это не означало, что ты мог вести себя как последний хам! И между прочим, она родила тебе ребенка, а от алиментов при разводе отказалась.

— Мама, не делай из Веры воплощение благородства, — поморщился Игорь, медленно допивая кофе. — Она отказалась от алиментов только потому, что вы с папой пообещали ее финансово поддерживать, причем в размерах, значительно превышающих двадцать пять процентов моей ментовской зарплаты. А судья, к которому папа предварительно сходил с букетом цветов и пачкой дефицитных билетов в театры, согласилась развести нас в течение пяти минут и без всяких дурацких сроков на примирение, но при условии, что у сторон не будет имущественных споров и претензий на алимен-

ты. И в конце концов, она сейчас прекрасно устроена, с квартирой, с работой. Что ты от меня хочешь? Чтобы я ползал перед ней на коленях и умолял вернуться?

— Прекрати! Мы с папой хотим, чтобы наш сын вел себя как мужчина. Если ты привез Веру сюда и стал отцом ее ребенка, то ты не имеешь права отворачиваться от нее и лишать поддержки. Ты выгнал ее из дома с ребенком на руках...

— Она сама ушла! Не надо передергивать.

— Да, она сама ушла, но ты создал такие условия, при которых она не могла больше оставаться в нашем доме...

Этот разговор возникал с мучающей Игоря периодичностью, и он начинал догадываться, почему мама так болезненно реагирует на ситуацию. Она заставила себя полюбить Веру, потому что таков был выбор ее сына, и теперь она, как человек добрый и порядочный, вынуждена продолжать поддерживать невестку и внука, потому что ее сын оказался, мягко говоря, не на высоте. Иными словами, он, Игорь, навязал своим родителям Веру, сначала притащил ее в Москву, а потом разлюбил и фактически вынудил уйти. К маленькому сыну он никаких особенных чувств не испытывал, во всяком случае интерес его к ребенку был не настолько силен, чтобы добиваться у Веры разрешения на встречи с Павликом. Этого родители тоже понять не могли и регулярно навещали внука, привозя с собой горы игрушек, фруктов и конфет. Игорь с ними ни разу не ездил. Ему не хотелось видеть Веру, она была ему больше не интересна.

День, так неудачно начавшийся с неприятного разговора, продолжал складываться в том же стиле. Ночью ударил мороз, и машина никак не хотела заводиться, Игорь бился над непокорным двигателем минут сорок и в результате опоздал на службу. На этот день у него были назначены две очные ставки, а до этого еще три допроса, вызванные люди сидели в коридоре перед дверью его кабинета, злые и напряженные. И снова, как и каждое утро, идя по длинному коридору с выкрашенными чудовищного цвета масляной краской стенами и